

ОБЛАКА

12.05.2015

В эфире программа «Облака».

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

Пребывание в изоляции – в местах лишения свободы, заставляет человека искать новые модели поведения, которые более отвечают изменившимся условиям его существования. Старые же при этом постепенно забываются и утрачиваются. Когда человек освобождается, и его ситуация снова изменяется, ему опять приходится проходить трудный процесс адаптации, теперь уже к воле, которая тоже уже не похожа на ту, прежнюю, знакомую ему по воспоминаниям иногда многолетней давности. И иногда это требует от освободившегося человека такого желания, навыков и упорства, которым тюрьма не учит и даже, наоборот, отучает: «в колонии мне не надо было ни о чем заботиться, там не было проблем, а здесь сплошные проблемы», часто говорят бывшие заключенные.

Система исполнения наказаний, и, более того, тюремная система, традиционно формировалась из расчета на мужскую часть населения. Так происходило везде, по всему миру. И сейчас она во многом сохраняет свои исторически сложившиеся особенности и ориентацию на заключенных-мужчин. Вопреки грамматическим нормам, «тюрьма – существительное не женского рода». О том, что отрядные, казарменные условия содержания не отвечают психологическим и физиологическим потребностям женщин, давно уже известно ученым, понимают это и практики. Не могут не понимать и законодатели. Однако в течение последних десятилетий форма отбывания наказания в российских исправительных учреждениях для женщин остается коллективной. Тем самым, при прочих равных условиях женщины несут гораздо более суровое наказание, чем мужчины.

Второй срок у Татьяны оказался почти вдвое больше первого – девять лет. Попала москвичка на этот раз в нижегородскую двойку – женскую колонию №2. Села, как она считает, заслуженно, но срок показался ей уж больно большим. Хотя первый был тоже немаленький - 7 лет, за сбыт наркотиков, из которых она отбыла почти пять, вышла условно-досрочно, и с полным ощущением своей неуязвимости - «уж теперь-то, с таким опытом, меня точно не поймают».

Однако вышло все не так, самоуверенность плюс наркотики сгубили ее, и вскоре – новый срок. Со своим прежним лагерным опытом, с обидой на несправедливо суровый приговор, имея впереди бесконечно длинные девять лет, в колонии она сразу же избрала своей линией поведения непринятие режима содержания. У микрофона Татьяна N.:

Ну, вот, например, я приехала в Нижний Новгород, на двойку. Они, нижегородские там все сидят, им все нравится, они там живут, то есть это как бы ихняя... колония, в городе находится, они все там постоянно сменяются, то есть там одни и те же люди. Я приехала, для меня это был ужас. Я написала на отказ от режима содержания на второй день. ... То есть «я не буду подчиняться режиму содержания в этой колонии, мне не нравится. Ну, я выбрала такой путь. У меня девять лет впереди. Я попросила: не надо меня выводить на швейное производство, предоставьте мне любую другую работу – мне ее не предоставили: «а, ты не хочешь шить – ты будешь шить». - «Я не буду...».

Сегодня, уже на свободе, Татьяна называет свое тогдашнее поведение «дуростью». Хот, возможно, это было следствие переизбытка трудотерапии во время первого срока. Тогда, в конце 90-х, она попала в Цивильскую зону для наркоманов, где труд, по ее словам, применялся и в качестве, и вместо лечения, причем, в таких дозах, которые могли отбить охоту трудиться у любого человека.

Только наркоманы. Там со всего «союза» - «всесоюзная здравница»...для наркоманов. 7 лет срока. Там не более двух лет можно было находиться. То есть, как лечение. Но там тогда была такая постанова, что нас встретили так: вы – москвичи, вы сгниете в этой зоне. Это ваша зона. То есть, оттуда не вывозили. Там все сидели как бы «до талого (снега)», до конца. Это Чувашия. Там локальная система. Режим очень напряженный, ну, это был 98-й год, 2000-й. ... На тот момент производство только развивалось, зарплаты там не было, работали по 24 часа в сутки. Ну, первоходы, мы ничего не понимаем. Привезли, значит так надо. То есть, работаешь, работаешь, работаешь на фабрике. Лечения там, конечно, не было никакого.

Сейчас ситуация, как говорят заключенные женщины, изменилась. Производство работает, условия улучшенные, медицинское обслуживание хорошее. И женщины из других колоний, кто хочет пройти лечение от наркомании, особенно, ВИЧ-инфицированные, заполняют анкету, пишут заявление и могут уехать в это лечебное исправительное учреждение - ЛИУ-7 в Чувашии. Но, по словам Татьяны, приживаются там не все.

Многие возвращаются обратно. Не пройдя там... Вот, из карантина вышли – приезжают обратно. То есть, как и везде: в любой колонии, если ты устроишься, тебе будет хорошо. Ну, это везде так. Найдешь свою нишу в социуме. Я бы так сказала. Связано с работой.

Татьяна рассказала, как проходила ее адаптация в колонии во время второго срока. Несмотря на жесткую оппозицию администрации, ее старались не «сломать», а переубедить, в том числе, с помощью психологов. Это заняло немало времени - примерно полтора года. Все это время Татьяна провела, сидя на табуретке, читая книги из библиотеки.

На табуретке я сидела, как прибитая. Со мной работали психологи – почему-то, почему-то... там есть, например, люди, которые пишут на отказ от режима содержания, их сразу закрывают в ШИЗО, в ОСУС. Я собственно того и просила. То есть это мне казалось, что 9 лет меня «не накрыло», меня видимо накрыло. Как я сейчас понимаю. То есть я, ни ребенку, например, не писала. Вот он сейчас до сих пор на меня обижен. Мне нечего ему было написать. То есть, тебе 16 лет. Я тебя опять бросила. Извини. Я не могла такого письма написать. Помочь из тюрьмы я ничем не могу. Посоветовать даже. Ну, чего я посоветую...

Год с лишним Татьяну не беспокоили. Только бригадир приходила, предлагала сесть за швейный станок, обещала помочь. Но она держалась выбранной линии поведения.

Администрация «лояльная», там женщины большинство. Хулиганить мне не к чему, вроде бы. Но я просто, меня, например, вызывают, я говорю, закрывайте меня в ОСУС, я не буду сидеть в вашем учреждении, мне не нравится. Не нравится ваша постанова. Почему мне осужденный указывает, в что я должна одеться. Сейчас я понимаю, что это дурость. – Мы вас не закроем, у вас нет нарушений. Я говорю, я не работаю, я не хожу на хозработы, я ничего не делаю, я сижу на табуретке и читаю книги. А мне говорят, это не нарушение... Ну, чуть-чуть бы меня дожали, и я бы, наверное, ушла на фабрику. невозможно, сидеть на табуретке, это очень тяжело...

В конце концов, хотя и побывав в штрафном изоляторе —Татьяна все-таки добилась своего. Ее перевели в другой отряд и предоставили другую работу, не на швейном производстве. И ей, по ее собственному выражению: «все понравилось».

Колония мне уже показалась хорошей. То есть, я устроила свою жизнь. Ну, это может быть смешно. Но, получается, у меня 9 лет, мне надо как-то жить. Правильно же. И. естественно, когда нас уже развозили в другие колонии, я уже не хотела уезжать, потому что у меня все хорошо. Я бригадир, у меня хорошая зарплата. Я каждую неделю звоню домой...(у меня) всегда хорошие отношения с всеми другими осужденными. Меня почему-то все очень любят. Я всегда говорю: не тянитесь ко мне, не стану я проще. Ну, у меня всегда «народ» и молодежь.

Некоторые женщины конфликтует и с администрацией, и с другими осужденными, и даже не потому, что пытаются отстаивать свои права, а в силу особенностей характера и жизненных установок. Обычно такие действия не достигают своих целей, зато усложняют жизнь самой заключенной. Продолжает Татьяна N:

Заходят и начинают там скандалить. С моей точки зрения, неправильно себя ведут. Они ничего не добьются этим. С осужденными... С осужденными я вообще не ругалась. То есть, ни одной из осужденных я вреда не принесла. У меня все вежливо-культурно было. Я не скажу, что это тоже правильный путь, но это мой путь.

За свои 14 лет, проведенные в колониях и тюрьмах, Татьяна наблюдала много конфликтных ситуаций и привыкла, что называется, ко всему. Под конец своего второго, девятилетнего срока любые требования правил внутреннего распорядка, любые бытовые неудобства уже казались «нормальными». Она выучила все уроки и сдала все тюремные экзамены. Теперь у нее новое и очень серьезное испытание – волей. После 9 лет тюрьмы трудно привыкать к новой жизни, где самой надо принимать решения и быть ответственной за то, что ты делаешь.

В тюрьме все было ясно, многие годы не надо было ничего планировать и решать, заботиться о завтрашнем дне. Жизнь по установленному распорядку. Единственное, чем можно занять и развивать себя в отсутствии работы, - это творчество. Для этого нужен тот, кто умеет увлечь, зажечь и направить. Несколько лет таким человеком была Татьяна:

Сидят, телевизор смотрят. Облегченные условия – там диваны, телевизор-плазма, все вот это вот. Я телевизор не смотрю. Мероприятия. Мероприятия, воспитательный отдел. Есть план мероприятий, которые должны быть. Поскольку я человек творческий, в отряде не было людей, которые могли этим заморочиться, я всем говорю, неужели вам всем охота сидеть, вам самим будет интересно. Вот начинаю собирать людей, вот они мне там подготавливаются, потому что подготовка это самое интересное. Вот на этот период они начинают там ныть: да, мы устали, да мы это, да мы то... Но, могу сказать, что я могла завлечь людей, им это нравилось – у нас там КВНЫ, спектакли, «Песня года», «Один в один» у нас было, танцы.

На свободе, у Татьяны пока одна главная цель – найти работу, что оказалось не так просто. Татьяне помогают сотрудники правозащитной организации. За целый день непрерывного обзвона по объявлениям о вакансиях, удалось найти всего два потенциальных работодателя, которые согласились пригласить ее на собеседование. Но они пока не знают о ее богатом тюремном опыте. Захотят ли тогда проявить к ней участие? Сейчас никто не может ответить на вопрос, как сложится дальнейшая судьба этой женщины. Так же как и судьба тысяч таких же людей, возвращающихся из мест лишения свободы и уже заплативших за свои ошибки.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.